

Валерий Плющев
«К прозе меня привела любовь...»

рецензия на книгу повестей и рассказов В. Крекова "Воспитание кривых бревен"
// Огни Кузбасса. - 2012. - № 1. - С. 168-169.

Так написал в «Автобиографии», предпосланной прозаической книге «Воспитание кривых бревен», что издана кемеровским издательством «Сибирский писатель» в 2011 году тиражом 500 экземпляров, самобытный сибирский поэт Виталий Креков. Писатель ещё и продолжил: «Любовь к своему городу, который хорошеет год от года. Любовь к родному краю, которого нет красивей на всей земле. Любовь к людям, которые бывают прекрасными и очень хрупкими». О людях, отрабатывающих свой индивидуальный грех нелегкой жизнью, эта поэтическая проза. С самых первых фраз она вызывает изумление: оказывается, и так можно писать и разговаривать. Язык Крекова и его героев – исконно народный, каким уж совсем редко кто изъясняется ныне, разве, что старушки глубокие да старики древние, а лет пятьдесят тому говорили по-крековски многие, особенно в деревне.

Книга, имеющая подзаголовок «Повести и рассказы» (так на титульном листе, хотя на обложке наоборот – нередкая небрежность периферийных изданий), на самом деле выстроена как единый текст жизненного пути главного героя, альтер эго автора, пусть и носящего различные имена в разных историях. Всё растёт, как и положено, от начала появления на свет главного героя, который формулирует фатальное: «С самого начала моего осознания, что я живу на белом свете – это практика наказания. Да и белый свет, в котором я начинал первые шаги, был не белым, а черно-белым, землистым, пасмурным, где до конца ничего не разглядишь». Сплошной ми- бемоль минор, тем более что герой любит классическую музыку, которая все его годы земного обитания не только гладит чувства, но и западает в память, сначала из радиопередач, а потом и до филармонических концертов сподобился дорасти.

Эпизод за эпизодом жизненная линия ведет через голодное и босоное детство к возмужанию и заканчивается, опять-таки как и должно, старостью, подмораживанием ощущений и чувств, как в рассказике «Воробьев», подвижками к избавительнице смерти в завершающем «Царствии Божиим», где благостно умирает баба Тася и племянник отмаливает для неё райскую жизнь. Виталий Креков – по большому счету бытописатель, мелочи жизни под его внимательным взглядом удивляют подробностями, иногда умиляют, а может, кого-то и раздражают. Он пишет простую жизнь простых людей, коих зачастую нынешние сильные и богатые мира сего называют «людишками». «Маленький человек» – вот главный герой писателя. Можно сказать, классики описали такового от и до, но у нашего автора он именно наш – простой человек советского времени во всей своей красе, если использовать литштампы, а здесь – во всей

неприкаянности, вопиющей бедности (Креков замечательно написал когда-то в стихах: «Наша бедность граничила с Богом!»), бестолковости и напрасных поисках счастья. Страдание, вот его основа основ, когда, согласно Крекову, даже «подарки не дают просто так. Их нужно отстрадать».

Это было послевоенное неустроенное время, мало кто помнит голод тех лет, заслоненный в памяти великой Победой в великой войне. Однако автор вынырнул воспоминания о еде и даже в сегодняшние сытые времена довольно часто склоняется в написанном к подробному перечислению того, что выставлено на столе. «Как бы неплохо ни кормили, есть всегда хотелось», – рассудительно заявляет детсадовец из рассказа, который «...верил, что в мире нет неправды, а есть одна только правда». Опять его же умиление: «Я поедал ласковые травы, головки стеблей подорожника, семена трав, маленькие шампиньоны, молодые побеги тальника, вершинки лопухов». Совсем не случайны у главного героя-подростка слова о зарабатывании «копеечки». Именно «копеечка», дающаяся в поте нелегкого труда, кормила тело, а значит, помогала рождению мыслей. Потому-то дитя по фамилии Креков навсегда врезал в память что и сколько стоило в то время. Сегодня редко кто из читателей ориентируется в ценовых масштабах, когда, например, «...дед купил матери (главного героя – В.П.) пальто за 550 рублей». Что бы ему в стоимости этой одежды для матери, однако же...

В рассказе, а может, повести «Воспитание кривых бревен» (название-то какво!) нарисована жизнь, увиденная глазами пацаненка, не взрослеющего, навсегда сохраняющего восприятие маленького человечка, что блестяще демонстрирует писатель своим особым индивидуальным стилем.

Любопытны родственные связи юного героя, разветвленные, кустистые, патриархально важные и ответственные, может быть, сакральные, все эти разнофамильные деды с бабками, дяди и тетки, свекрови и тещи, многочисленное потомство племянников, ставящее читателя часто в тупик при попытках разобраться, кто для кого кто есть. Главное, для автора ясно и безоблачно сие родство.

Как будто бред, всё в куче: персонажи и родственники, события, наплывающие одно на другое, рвущие последовательность времени, возвращающие действие вспять, чтобы затем, перепрыгивая через годовые кольца, раскрыть волшебным образом через мелочи быта таранный, все сметающий ход бытия, за которым – эпоха. «Там был рай», – восклицает герой, и ему веришь.

Хороший плюс писателя Крекова – его красочные самобытные метафоры, корень которых опять-таки в народном языке, в поэзии. Вот, например, настоящая языковая изюминка при описании верховой езды, которая есть попытка полета, а может, и сам полет, и даже руки всадника, как крылья... А вот «...самогон, воспитанный под коньяк». И таких сравнений, метафор, всего богатства языкового у Крекова много – пей, не хочу. Такую прозу можно сравнить с тем, что делал в литературе русский гений Андрей Платонов: у нашего писателя и классика корневище единое – в народе-

богоносце, стебли, конечно, разные, как уровень таланта разный. Платонов – это вершины философского постижения мира, Космоса, у Крекова – в основном быт, лишь иногда втекающий в бытие, стремление подняться над повседневностью, которое часто остается не реализованным. Ну и мастер языковой вязи и метафорической вышивки Владимир Личутин, безусловно, в учителях у нашего писателя-сибиряка, хотя, при живом общении, разговоре он может в том и не признаться.

Вот автор зачем-то живописует лето – пик сельской жизни в деревне Сухая Речка; на протяжении рассказа то один земляк «приземляется» в повествование, то другой, озадачивая читателя внезапностью появления. Впрочем, так ведь и в жизни происходит-бывает. Но отчего-то любопытно при чтении, у кого и как плодятся куры, а гуси почему-то никак, у Козицыных (кто бы знал, кто такие?) по первой капли отелилась корова, но тут главное не отел, а поглощение молозива – первого молока, вареного или, как делала когда-то моя мама, жареного на сковороде. Автор тем временем продолжает разворачивать свиток жизни Ульяны Козицыной, «уже немолодой женщины», и не поймешь, зачем она тебе, но её немудреная жизнь оказывается интересной и поучительной.

А за ней вслед вступит в прозу узник концлагерей Воцилин, мастер на все руки и добрый человек, судя по делам его. Так и движется путь писателя, а за ним и читателя, от дома к дому со всеми их обитателями: кто на ком женился, кто с кем сошелся и детей «настрогал» (мальчик, от лица которого ведется рассказ, так и воспринимает выстругивание ребятишек, на манер папы Карло, сделавшего ножом Буратино), кто и как выстраивает свой путь.

А какая тяга сельчан к искусству! Готовы слушать и стихи, и пение героя, которого непременно обильно угощают после импровизированного концерта «салом, сметаной, молоком, вареной молодой картошкой» – в поглощаемой пище Креков точен и обстоятелен всякий раз. Поэзия!..

Вообще-то в летописях не так и важны плавные переходы при описании. Так и у Крекова: «К Горифулиным, что жили ближе всех к Бурцевым, придешь, там голые стены, едят одну картошку, запивая водой, и целый базар непонятной речи, что-то: «Сюк, сук, сук». И сразу в следующем абзаце, без перерыва: «Той же зимой на выборах была драка в клубе». Вот такая стихийная «драка» – почти вся проза поэта.

А ещё и религиозность корневая, народная. Моя бабушка радовалась бы этим местам в повествовании; большой кусок жизни провела в деревне, где никаких священников, а молились даже в самые антирелигиозные гонения коллективно – сойдутся несколько человек и читают молитвы и Псалтырь, единственную священную книгу, какая была и которую берегли как зеницу ока. Вот так случайно, но и предопределенно нашел Бога уже в раннем детстве крековский герой и сохранил в душе своей.

Ещё одна тема этой своеобразной прозы – поиски своего дома. Землянки, халупы, комнатки, наконец, отдельная благоустроенная квартира, дачки – всё их мелькание вкусно проговорено и красочно нарисовано словом. Человеку нельзя без дома, вот и мечутся персонажи по необъятной стране, не

могут обрести покоя в душе и своего места на земле. И симптоматично, что в «Воспитании кривых бревен» один из продолжателей семейного дела и смысла, увидев свою разграбленную вороватыми селянами дачу, собственными руками сжигает эту мечту о доме, как будто руководствуясь апокалипсическим: «А не доставайся ты никому!» И выбирает, по причине горящей души после импровизированного аутодафе, обратную проселочную дорогу – «путь, где сильно било и трясло». Прозрение писательское в «огненной» метафоре, которую легко толковать после гениальной сцены сжигания собственного дома в фильме Андрея Тарковского «Жертвоприношение»: для всех нас дорога впереди терниста, где будет сильно бить и трясти. Ещё и неизвестно, выберемся ли на нормальный путь?..

А теперь о недостатках книги. Уж слишком много у писателя «внезапных» персонажей (помнит ли их всех сам повествователь?), читателю, конечно, не разложить их по полочкам вовек: выпрыгивают как чертики из табакерки, чтобы быстренько слиться в неизвестность. О «рваности» повествования уже говорилось: хороший редактор, заинтересованный не в причисывании под привычное, смог бы помочь прозаику. Кстати, львиная доля явленного в книге опубликована в разное время на страницах журнала «Огни Кузбасса». Почему автор не взял в книгу очень даже неплохо отредактированные произведения, понять невозможно.

Хуже Виталию Крекову удаются большие формы, рассказы цельнее, да и ударнее, чем повести, которые рыхловаты, требуют серьезной работы над каждой фразой, чтобы не было провисания текста, ухода сюжета «огородами и к Котовскому», что, по-моему, имеет место. Наконец, количество грамматических ошибок и опечаток в книжке просто зашкаливает. Эти дебри запросто могут отпугнуть читателей. А привести текст в грамматическое чувство легко помог бы корректор, судя по выходным данным коего просто не было. И последнее, в чем, наверное, вины автора совсем чуть: уж слишком провинциален стандарт, которым руководствовались издатели, провинциализм так и прет из внешнего вида книги.